

1

Молодой еж Джефферсон Бушар де ла Потери завершал уборку своего жилища, напевая что-то вроде «пам-пам-пам... пам-пам-пам-пам...» — просто так, от хорошего настроения. Наведя полный порядок, стряхнув в окно пыль с веника и повесив на гвоздь совок, он настроил духовку так, чтоб картошка в сметане была готова к его возвращению. Потом надел пиджак, застегнул его на среднюю пуговицу — при этом отметил, что ткань сбортит из-за выпятившегося брюшка. Надо будет поменьше налегать на печенью.

Он опрыскался туалетной водой «Подлесок», зашнуровал свои до блеска начищенные ботинки, ставя по очереди ноги — правую, потом левую — на предназначенный для этого табурет в прихожей, вскинул на плечи рюкзачок и вышел из дому. Радостно ему было в это утро из-за сущей малости: он решил пойти подстричься. Когда он умывался поутру, ему вдруг бросилось в глаза, каким растрепанным стал его хорошенький хохолок. А он терпеть не мог выглядеть неаккуратно. Так что вот: он пойдет в город подровнять прическу.

А заодно вернет в библиотеку книгу, которую взял на прошлой неделе, — приключенческий роман «Один на реке». Действие разворачивалось на реке Ориноко, и молодой герой по имени Чак (человек) отважно преодолевал всевозможные испытания. Одиночество, голод, жажда, москиты, индейцы, тропические ливни, изнуряющая жара, дикие звери — все ему было нипочем.

Подоткнув одеяло до подбородка, с чашкой травяного чая на ночном столике, Джефферсон воображал себя Чаком и время от времени ловил себя на том, что в напряженные моменты стискивает кулаки и таращит глаза. Во всяком случае, две ночи подряд он зачитывался до утра. Особенно его восхитил эпизод, где Чак, заблудившись в лесу, ищет дорогу, используя «метод звезды». Выбираешь наугад направление, идешь прямо пятьдесят шагов, а если ничего не находишь, возвращаешься к исходной точке и пытаешься счастья в другом направлении. Еще ему понравился драматический момент, когда изголодавшийся Чак решает убить и съесть свою собаку, чтобы выжить, но в последний момент ему становится ее жалко, и он, разрыдавшись, оставляет бедняжку в живых. (Тут Джефферсону пришлось вытащить из-под подушки носовой платок и вытереть глаза.) Дальше собака спасает жизнь Чаку, воздавая ему добром за добро. (На этом месте Джефферсон снова прослезился. Когда живешь один, в этом есть свои преимущества: можно петь как угодно громко и фальшиво, расхаживать голым, есть когда захочется и плакать в свое удовольствие.)

В то осеннее утро все так и сияло. Джефферсон запер дверь, положил ключ в левый карман штанов, достал из правого кармана мобильник и отправил такую эсэмэску: «Дорогой Жильбер, утром не приходи. Ушел в город подровнять хохол в „Чик-чик“. Буду ок. 12. Картошка в духовке. Если не возражаешь... Чао-какао».

После чего с легким сердцем пустился в путь. Чего еще надо в жизни? Все у него было: крепкое здоровье, крыша над головой, еды вдоволь, замечательный друг Жильбер, и жил он в самой что ни на есть восхитительной местности, на опушке букового леса.

Город был недалеко. Несколько минут ходу вдоль опушки, потом вниз по тропинке через заросли смородины — и пошла петлять большая дорога... По ней Джефферсон и зашагал. И потому ли, что мыслями он все еще был с Чаком на берегах Ориноко, потому ли, наоборот, что уже воображал себя в нежных руках Кароль, молодой помощницы парикмахера, которая скоро будет мыть ему голову шампунем перед стрижкой, — как бы то ни было, он сунулся переходить дорогу в неподходящем месте, прямо перед крутым поворотом.

Машина вылетела на него со стороны города на скорости более ста двадцати километров в час. В ней сидели двое — Джефферсон успел их разглядеть. Это были люди. Водитель — очень худой, бритый наголо и такой длинный, что ему, похоже, пришлось сложиться в несколько раз, чтобы втиснуться в кабину. Пассажир, куда более мощного телосложения, был в вязаной шапке и выставил локоть в открытое окно. Водитель

вдавил тормоз, шины завизжали по асфальту. Джефферсон, отчаянно пискнув, отпрянул назад и упал навзничь в кювет. Внедорожник занесло, и пассажир изрыгнул в окно нечто, начинающееся с «чтоб тебе, еж...» и кончающееся определением, которое лучше здесь не приводить.

— Сам такой! — огрызнулся себе под нос Джефферсон.

Он проводил глазами машину, которая прибавила скорости и скрылась из виду. Встал, отряхнулся, обследовал промокшие на заду штаны и подумал, не вернуться ли домой переодеться. Поразмыслил — и поленился тащиться обратно. «На ходу обсохнет!» — решил он. Тем более если в первую очередь зайти в библиотеку. Тогда перед Кароль он сможет предстать уже сухим, и она не подумает... что-нибудь не то. Между тем он с неудовольствием заметил, что сердце у него все еще так и колотится. Это ведь и впрямь было потрясение. Еще бы несколько сантиметров — и гуд-бай, ежик! Так-то она и идет, жизнь: вот ты ей радуешься, легко и беззаботно, а в пять секунд все летит кувырком. «Счастье — штука хрупкая», — заключил он и заставил себя думать о другом.

В город он вошел, успев вновь более или менее обрести бодрость духа, и уже насвистывал, шагая по главной улице и сворачивая налево у фонтана. В городской библиотеке его давно знали, и все, кто там работал, приветствовали его веселым «Добрый день, Джефферсон!». — Понравилась книга? — спросила библиотекарша, милая уточка, носившая очки в форме сердечек, когда он выложил на стойку «Один на реке».

Он вспомнил, что это именно она посоветовала ему эту книгу.

— Понравилась? О нет!.. — начал он.

Потом, увидев, как она переменялась в лице, и не желая больше ее дразнить, договорил:

— Понравилась — не то слово, я от нее без ума. Кстати, вам спасибо за совет, а я посоветую ее прочитать моему другу Жильберу.

— Ой, а я было испугалась, господин Джефферсон, — сказала библиотекаря краснея. — Ну и удивилась тоже — я была уверена, что приключения Чака должны вас увлечь. Если хотите, можете прямо сейчас снова взять книгу, тогда вы сами передадите ее вашему другу.

Он поблагодарил, порылся еще некоторое время на полках, а потом как бы невзначай пристроился бочком к батарее, листая какой-то журнал. Через полчаса он покинул библиотеку — «Один на реке» по-прежнему лежала у него в рюкзаке, а штаны почти высохли.

Парикмахерская «Чик-чик» располагалась в конце той же улицы. Это было скромное заведение, работающее по старинке, где обслужить могли не более трех клиентов зараз. Хозяин, Эдгар, флегматичный добродушный барсук, обладал, на взгляд — или, вернее, на слух — Джефферсона, одним неоценимым и для парикмахера редким достоинством: он умел стричь молча.

Так что Джефферсон уже который год ходил в «Чик-чик» в полной уверенности, что его не заговорят до одурения. Он одернул пиджак, приосанился, сделал несколько глубоких вдохов и прочистил горло. А что,

если пригласить Кароль выпить с ним по стаканчику после работы? А ведь неплохая мысль. Даже превосходная. Он воспользуется моментом, когда господин Эдгар отойдет, например, к телефону, и решится: «Послушайте, Кароль, а вы до скольких работаете? Понимаете, я вот подумал, то есть мне тут в голову пришло, ну, я хочу сказать... может, вы...»

Она была племянницей господина Эдгара, и тот, видя, что стареет, взял ее в помощницы. Джефферсон чувствовал себя на вершине блаженства, когда она мыла ему волосы шампунем, массировала голову легкими пальчиками. Он чувствовал себя на вершине блаженства, когда она спрашивала, не горяча ли или не холодна ли вода. Впрочем, какова бы ни была температура воды, он отвечал, что все отлично. Она могла бы хоть заморозить его, хоть обварить — он стерпел бы, не пикнул. Удобно устроившись на подкладном сиденье, необходимом ввиду его малого роста, он закрывал глаза и млея, воображая, что она — его невеста. Потому что в одинокой жизни, как уже было сказано, есть, конечно, свои преимущества, но иногда бывает именно что... немножко одиноко.

Экая неожиданность: дверь, как ни поворачивай ручку, не открывалась, а между тем надпись «Чик-чик» над входом светилась и мигала, и металлическая штора была поднята. Он попытался разглядеть что-нибудь сквозь занавески. Свет в салоне горел. Под сушильным колпаком спала коза почтенных лет в пластиковой шапочке. Все выглядело совершенно нормально, вот только парикмахера, господина Эдгара, не было видно, так же как и Кароль. Джефферсон постучал в окошко и подождал.

Потом постучал погромче — без всякого результата — и, вспомнив, что сзади есть еще окно, решил обойти дом.

Обе створки этого окна оказались нараспашку, но влезть в него было бы правонарушением, а Джефферсону ничто так не претило, как нарушать закон. Он всегда старался вести себя безупречно, отчасти из чувства гражданского долга, но больше, честно признаться, ради собственного спокойствия. Вот почему он вернулся ко входу, еще постучал и, видя, что никто не отзывается, покорно побрел прочь.

Далеко отойти ему не позволила совесть. А вдруг что-то случилось?.. А вдруг Кароль в опасности! При мысли, что можно тем или иным образом отличиться перед юной барсучихой, он развернулся и пошел обратно. Через две минуты он снова оказался позади дома перед открытым окном.

— Господин Эдгар! Мадемуазель Кароль! — позвал он и, поскольку никто не отвечал, собрался с духом и полез в окно, рискуя порвать пиджак.

Он оказался в задней комнате, заставленной всевозможными флаконами, коробочками, пенками, шампунями и прочими лосьонами для волос. Единственными звуками, доносившимися из салона, были звуки местного радио. Какой-то настырный голос призывал слушателей срочно сделать платный звонок по такому-то номеру, в результате чего они, если очень повезет, не выиграют ровным счетом ничего. Джефферсон медленно двинулся вперед и еще раз окликнул:

— Господин Эдгар? Мадемуазель Кароль? Это я, Джефферсон. Я позволил себе...

Коза под колпаком спала крепким сном, из ее полуоткрытого рта с безупречной вставной челюстью медленно сползала на подбородок нитка слюны. Казалось, она совсем уплыла в сладостные грезы. Быть может, ей снились ее правнучата-козлята.

Джефферсон обогнул ближайшее парикмахерское кресло, никем не занятое, — и первым, на что упал его взгляд, были кремовые туфли господина Эдгара, обращенные носками к потолку. Обознаться он не мог: это были профессиональные туфли, которыми добряк всегда хвалился, утверждая, что в них ноге свободно, «как в тапочках». Еще шаг — и Джефферсон увидел ноги, параллельно вытянутые на полу, дальше белый халат, аккуратно застегнутый снизу доверху, а дальше — большие ножницы, одна половина которых была воткнута в грудь господина Эдгара.

Большое кровавое пятно на белом халате по форме напоминало карту острова Мадагаскар. Вышитая на халате надпись «Чик-чик» прямо над пятном выглядела злой насмешкой. Казалось, господин Эдгар, как и его клиентка, спит — но ему не снились никакие козлята, ему вообще ничего не снилось. Он был мертв.

Вплоть до этого дня жизнь милосердно оберегала Джефферсона. Никогда еще он не испытывал подобного потрясения, так что реакция его оказалась довольно любопытной. Сперва у него перехватило дыхание, потом он издал странный звук вроде:

— Х-х-х... к-кр-р-ре-е-е-екс... — что можно перевести примерно как: «Ну, ничего себе! Что я вижу?!»

А потом:

— Б-бр-р-р... Хр-р-р-р-рик! У-у-у-уй-я-а-а! — что означало примерно следующее: «Кажется, он умер не своей смертью. По-моему, это самое настоящее убийство».

И закончил протяжным и жалобным:

— И-и-и-и-и-ой-ой-ой! — которое можно было приблизительно истолковать как: «Что ни говори, зрелище не из приятных!»

А потом он сделал то, чего ни в коем случае не следовало бы делать: опустился на колени около тела, прошептал: «Сейчас, господин Эдгар, сейчас я это выну...» — взялся правой рукой за ножницы и выдернул их из раны, удивившись, как это оказалось трудно. Если кто думает, что извлечь лезвие из пронзенного тела — все равно что из куска масла, то ошибается: оно сидит крепко!

Этот момент и избрала коза, чтобы пробудиться от сладкого сна, и то, что она увидела, — а именно труп господина Эдгара на полу, а рядом преступника с оружием в руке — не оставляло места сомнению. Она разинула рот во всю ширь и испустила такой пронзительный вопль, что ближайшее зеркало треснуло:

— А-А-А-А-А-А-А! Помогите! А-а-а-а! Убива-а-а-а-а-ют!

Джефферсон выронил ножницы.

— Да нет, мадам, это не я! Я только вошел и...

Договорить ему не удалось: коза завопила еще громче. Видно было, как вибрирует язычок у нее в глотке.

— Он убил господина Эдгара! И меня сейчас убьет! А-а-а-а-а-а!

Джефферсон умоляюще стиснул руки:

— Да нет же, мадам, клянусь вам...

Она сорвала колпак и шапочку, обнажив накрученные на бигуди фиолетовые волосы. Метнулась к двери, яростно задергала ручку, но дверь не открылась. Старая коза не стала тратить время на размышления. Уверенность, что она заперта в тесном помещении, как в ловушке, наедине с убийцей, придавала ей сил. Отступив метра на два для разбега, она врзалась в дверь плечом вперед, как заправский регбист. Дверь вылетела с первого же удара, коза приземлилась на четвереньки, вскочила, как на пружинах, и помчалась прочь во всю прыть, на какую способны были ее короткие ноги. На бегу она не переставала вопить:

— Вон он! Вон он, уби-и-и-и-и-ица! — указывая пальцем на Джефферсона, который стоял в дверях и твердил: «Да нет же, не я!» — но куда было его голоску против козы с ее луженой глоткой.

Когда Джефферсон увидел, что на ее вопли отреагировали двое молодых козлов и теперь направляются к нему — поначалу шагом, а вот уже и рысью, — он подчинился старому как мир рефлексу: спастись бегством. Иначе говоря, он пустился наутек, дал стрекача, сделал ноги — назовите это как угодно. Никогда в жизни он так не бегал. Он чувствовал, что ноги под ним двигаются, словно шатуны гоночной машины. От страха у него выросли крылья, да он и вправду испытал ощущение полета, перемахнув одним прыжком щит с надписью «ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ» и яму шириной метра в три. Его преследователям пришлось идти в обход, что дало ему решающую фору. Один из них крикнул вслед: «Стой, Джефферсон!» — но он не замедлял бега,

сворачивая направо на каждом углу, чтобы сбить погоню со следа.

Инстинкт — в сочетании, надо признать, с чертовским везением — привел его на какой-то пустырь, где он смог наконец притормозить, укрыться от посторонних глаз. Он привалился к забору, утонувшему в крапиве и бурьяне, — сердце готово было лопнуть, легкие горели огнем. И тут он осознал, что в своем бегстве не переставал приговаривать: «Это не я, это не я...» Он замолчал, переждал несколько минут и, когда окончательно отдышался, повторил:

— Это не я.

Потом заметил, что штаны у него опять мокрые, и на сей раз не от воды. Должно быть, это случилось в тот миг, когда он обнаружил труп. Понятное дело — испуг, шок. Джефферсон чуть не расплакался от стыда. Как повел бы себя Чак, оказался он в таком положении? Не успел он задать себе этот вопрос, как тут же сам на него и ответил: Чак не оказался бы в таком положении.

